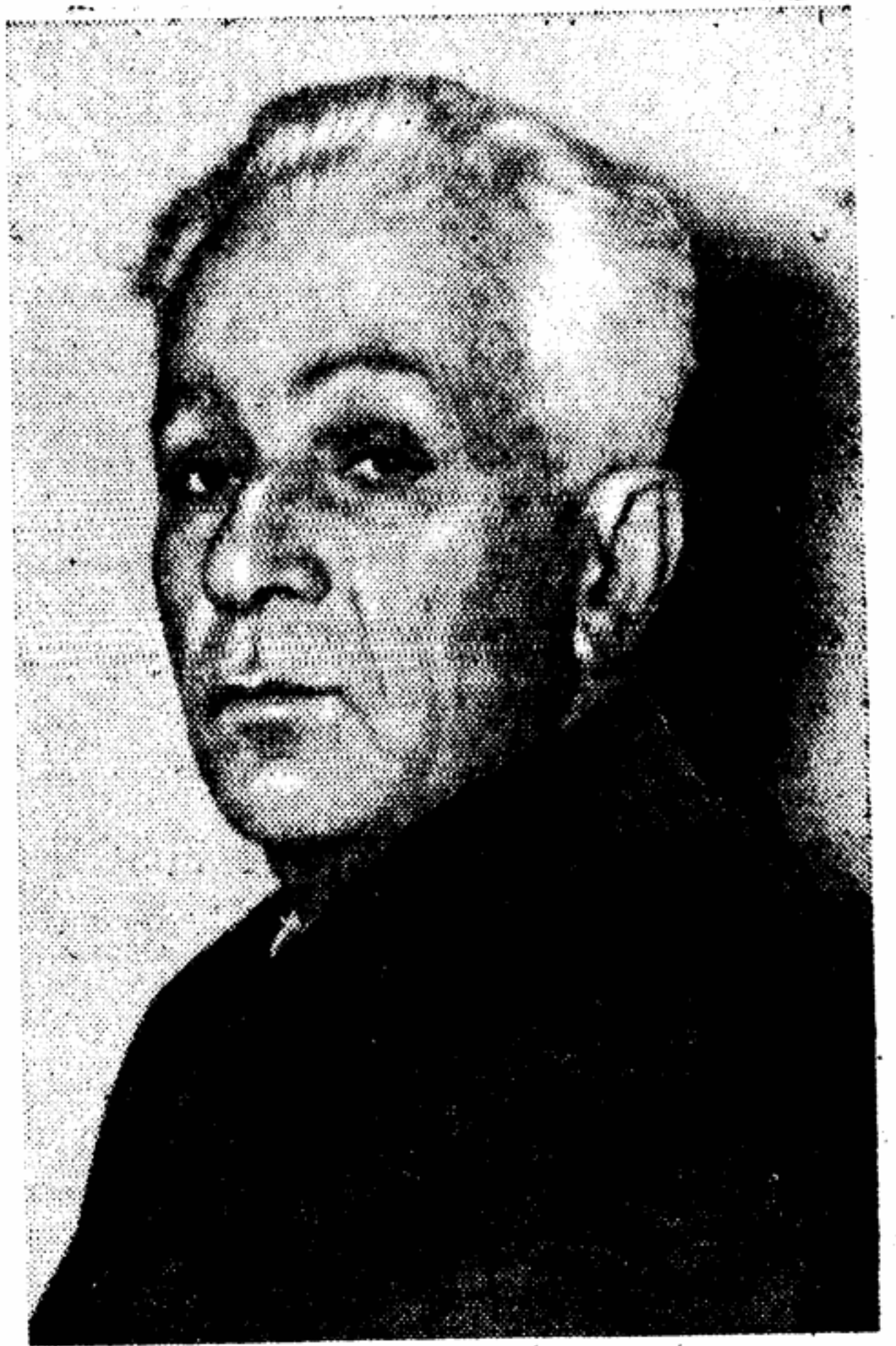

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР
№ 103 (4069)

Четверг, 20 августа 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Костас Варналис

Путь жизни

Сергей ОБРАЗЦОВ

Большее тридцати лет тому назад я был в Америке. Языка не знал. Мне сказали: «Идите по улице, как увидите на оконном стекле или на двери бумажку, на которой написано «р», два «о», «м», «зайте — это «румы» — комната, Саетея». Я шёл комнату. Денег было мало, и комната была плохая. Вернее, сама комната не так уж плоха, в большом доме на 83-й улице. Близко от Центрального парка. Но квартира, в которой находилась эта комната, была на втором этаже, а окна выходили во внутренний двор. Глубокий, как колодезь. Если открыть форточку, то комната наполнится запахами всех кухонь дома, а небо можно было увидеть, только если прыгнуть до самого пола и смотреть вверх. Я просыпался это каждое утро, чтобы помыть, надевать мне пальто или нет.

Вторым узнавшим мною словом было «аксьюзиями». Тогда я еще не знал, что это два слова: «аксьюзия» — простите и «ми» — меня. Я думал, что это одно слово и значит оно «пропустите, пожалуйста». А необходимо это слово было для того, чтобы протискиваться в поезде метро. Прожил я в Америке пять месяцев. Постепенно слова накапливались. Раскрывался передо мною язык, раскрывались страна и люди. И хотя я очень стеснялся по своей стране, по Москве, по родным и друзьям, но все-таки уезжал из Нью-Йорка с некоторой грустью. В последний вечер долго ходил по городу. Последняя скамейка Центрального парка между двумя нью-йоркскими женщинами, вышедшими на вечернюю прогулку недавно родившихся у них двух нью-йоркских мужчин. Стояла на перекрестке Таймс-сквера, среди бешеной трески реклам, и наконец дошел до набережной, где была о камни черная вода, по которой завтра пароход должен увезти меня в Европу. Через семь дней я буду дома. Пять — в океане да два — поездом.

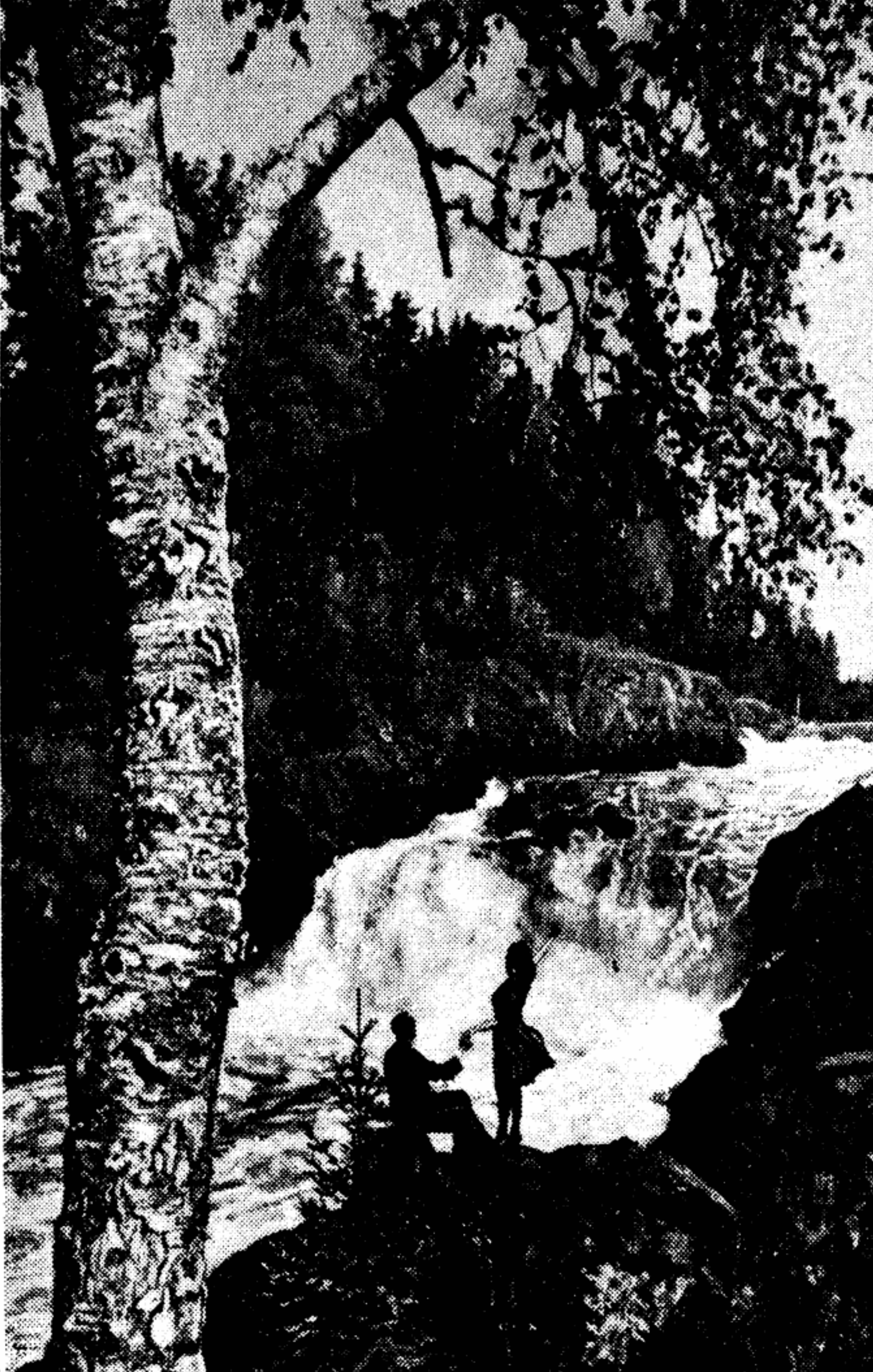
В те далекие годы между правительствами двух великих стран, Соединенных Штатов и Советского Союза, не было дипломатических отношений. Правительство Соединенных Штатов никак не хотело поверить тогда, что победа «большевиков» — это окончательная победа. Но историческая закономерность не зависит от того, верит в нее кто-нибудь или не верит. «Большевики» пришлось признать и обменяться полномочными посланиями. Произошло это только в тридцать третьем году, а в двадцать шестом по Соединенным Штатам еще гастролировал хор кубанских казаков и «великий князь» Николай Николаевич Романов чуть не каждый месяц присылал из Парижа приказы, производя кого-нибудь из участников хора в хорунжие, подполковники и полковники несуществующей армии. Вряд ли серьезные американские политики делали большую ставку на охрипших царских казаков, потерявших и голоса, и родину, и честь, но всякий человек, приехавший из Советского Союза, казался для простых людей Америки чем-то похожим на привидение: то ли верить в него, то ли нет. Но привидений никто не видел, а тут вдруг рядом на обыкновенной садовой скамейке сидит живой человек и говорит, что он из Советского Союза. Мало того, он не бежал отсюда, а просто приехал. Но что уже совсем удивительно: завтра собирается ехать обратно. «Как обратно? Туда, в этот ат?» — «Никакого ада у нас нет». — «Как нет? Да я сама вчера читала в «Таймсе!» Минут через пять, более или менее приля в себя от встречи с живым «большевиком», моя собеседница или собеседник в Нью-Йорке, Чикаго или Вашингтоне начинает задавать вопросы. Самые неожиданные. «Есть ли в России автомобили? Должен ли я отдавать государству своих детей? Может ли моя жена носить серьги?»

Конечно, этот процесс запугивания народа несуществующими агрессивными планами русских еще происходит в Америке, но очень хочется верить, что он ослабевает и что постепенно рядовой американец увидит, наконец, нашу страну и нас, людей этой страны, такими, какие мы есть. Поймет, что бояться наших агрессивных смелости, что не мы «раздаем угли войны» и что само слово «война» нам неизвестно. Тем двум только что родившимся нью-йоркцам, что лежали в колясочках накануне моего отъезда из Америки, сейчас больше тридцати лет. У них уже, наверное, есть жены, и жены эти сейчас, может быть, тоже вывели в колясочках своих детей на дорожки бульваров. Я знаю, что и жены, и их мужья не хотят войны, не хотят смерти своих детей. Не для этого они их родили.

За последние годы расстояние между Москвой и Нью-Йорком сократилось. Их отделяет всего несколько часов, проведенных в самолете, и несколько минут полета ракеты. Первый путь — это путь жизни, второй — путь смерти. Я знаю, что американцы, так же как и мы, советские люди, рады тому, о чем сообщали им газеты.

Круче летит в Нью-Йорк Эйзенхауэр — в Москву.

Выбран путь жизни!

Карелия. У водопада Кивач.

Фото С. Раскина

СТИХАМИ ОН ПРОСЛАВИЛ МИР...

Вручение Ленинской премии Костасу Варналису

Вчера Свердловский зал Кремля заполнился представителями общественности Москвы — рабочими, учеными, писателями, студентами. Здесь состоялось вручение международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» выдающемуся греческому писателю Костасу Варналису.

Зал встретил восторженными рукоплесканиями появившегося в президиум почетного гостя поэта и публициста Гречии. Советские люди читали в переводе на русский язык многие его произведения: в СССР вышло несколько сборников его стихотворений, имя Варналиса часто появляется на страницах наших журналов и газет. Хорошо знакомо его имя и читателям «Литературной газеты».

Торжественное собрание открыл член Комитета по международным Ленинским премиям писатель Илья Эренбург.

Он сказал: «Дорогие друзья! Наш комитет единодушно присудил международную Ленинскую премию мира греческому поэту Костасу Варналису. Мы — не литературные жури и, присуждая премию, руководствуемся одним: вносим человеком в великое дело защиты мира. Но за мир люди борются по-разному, как по-разному они живут. Пушкин справедливо говорил, что он лирой пробуждал добрые чувства. Не случайно Ленинская премия была присуждена большому поэму нашего века: Брехту, Арагону, Поэлу Неруде, Гилею, Лундквисту. И вот сегодня мы можем прибавить к названным именам имя большого поэта Гречии — Костаса Варналиса.

Свой замечательный дар Костас Варналис посвятил защите человека. Он знает, что не может быть красоты без справедливости и что справедливости бесцельно без красоты. Он никогда не изменил ни своей мизе, ни народу. Наш друг молод сердцем, и в его последние произведения — свет и зной высокого полета; но пережил Костас Варналис многое — первую мировую войну, горе беженцев из Малой Азии, фашизм, вторжение итальянских чернубашенников, оккупацию гитлеровцев, гражданские распри, — он слишком хорошо знает, сколько горя приносит людям война. В чудесных поэмах он прокладывает оружие и прославляет величайшее благо — мир. Я видел, как любил в Гречии Костас Варналиса те люди, которых называют «простыми», вероятно потому, что они сложные политиков, генералов и дипломатов. Его стихи дошли и до грузинских Пиреев, и до крестьян Пелопоннеса. Имя его неотделимо от слова «мир», и не случайно лучший поэт молодого поколения Ринос посвятил поэму «Мир» Костасу Варналису.

Впервые Ленинская премия мира присуждается греку, и в лице Костаса Варналиса мы хотели отметить ту большую роль, которую играет этот вдохновенный и отважный народ в деле защиты мира. Нужно ли напоминать о том, чем обязано все человечество родине Костаса Варналиса? Высокий отсвет древней Эллады до сих пор освещает лицо мира. Поэты всех стран воспевают Гречию, в Миссолунги умер Байрон, и незадолго до смерти на горе Грамос, среди боев, писал стихи Поль Элюар. Но страна Костаса Варналиса узнала также всю меру человеческой неблагодарности. Для многих политиков, полководцев, дельцов — от императоров древнего Рима до наследников дуче и фюрера — она в минуты досуга — прелестное место, где могут отдохнуть скачущие туристы, а в часы «дела» — базы, плацдармы, трофеи. Есть нить, связующая Прометея, прикованного к скале, с героями новой Гречии, которые отстаивают мир, свободу, человеческое достоинство; и я не могу не упомянуть, что на процессе национального героя Гречии Маноласа Глезоаса, освободившего Акрополь от свастик, имя Костаса Варналиса было названо, как одного из первых свидетелей защиты. Присуждая премию мира Костасу Варналису, мы хотели также выразить нашу любовь к вдохновенному и благородному народу Гречии.

Дорогой Костас Варналис, позвольте мне добавить от себя несколько слов. Вот уже четверть века, как я горжусь Вашей дружбой. Я счастлив, что мне выпала честь вручить Вам премию Ленина. Я это делаю в то время, когда надежда на мир, на лучшее будущее приподымает всех людей нашей планеты. Я знаю, что конец «холодной войны» будет самым большим счастьем и для Вас, дорогой наш друг, и для Вашего народа. Я Вам желаю сил, здоровья — Вы жили долго среди войн,

насилие, горя. Вы должны еще долго жить среди мира, свободы и счастья.

К трибуне подбегают дети. Они вручают греческому поэту цветы. Пусть они еще не совсем хорошо понимают красоту его искусства, но зато они знают, что Костас Варналис мужественно борется за мир.

Лауреата приветствует первый секретарь правления Союза писателей СССР Константин Федин.

Он говорит о величии поэзии Варналиса, о том, что она пронизана тонким толкованием нашего времени потому, что его жизнь навечно сращена с труднейшими испытаниями не одной только Гречии, но человечества в целом, как само человечество сращено с родной культурой — древней Гречией. И закончилось потому, что языком истории он говорит о наших днях.

В самом деле, читая стихи Варналиса, я вижу поэта стоящим на обрыве скалы лицом к морю и небу. Он разговаривает с морем, небом и землей. Это именно то море, по которому плыл Одиссей, то небо, где сорвался Зевс-громовержец, та земля, где царствовал гордый коринфский Сизиф. Но в каждом стихотворении Варналис совершает по виду неожиданный, но внутренне подготовленный шаг: это шаг из древнего бытия в наш нынешний день, шаг из Гречии античных мифов в Гречию нового мира, созданного новым божеством или идолом, — мифа благоденствия буржуазного государства и общества.

Поэт со своей скалы вновь обращается к морю, небу и земле. Но по родному морю плывет уже не Одиссей. Чужеземная армада бронированных судов надвигается на Гречию. С неба гремит не безобидный старик Зевс. Бомбовозы гудят над черными тучами, и вот-вот расплывется и прахом оседет на землю священный Парфенон. И разве не на сияющих труд обречены современные рабы?..

«Мы восхищаемся Вашим мужеством Человека, Вашей доблестью Гражданина», — говорит от имени Советского комитета защиты мира народный депутат СССР Юрий Завадский.

«Я желаю Вам долгих лет жизни, новых успехов и счастья», — это слова слесаря Владимира Жданкова — слова, произнесенные от имени трудящихся Москвы.

— Я навсегда запомнила Ваши прекрасные слова, призывающие

...туда,

Где будут счастливы народы,

Где царство Правды и Труда,

и мир, и торжество Свободы,

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА МУЗЕЙ СЛЕСАРЯ ЧЕРТЕНКОВА

МАЛЕНЬКАЯ, как кузнечик, мотоциклист, похалливый мотоциклетный мотор, стремительно мчится по Сибирской магистрали. Где-то впереди маячит красный глаз железнодорожного состава. Второй поезд поднимает сади. Движение напряжено. Мы мчимся, стиснутые двумя поездами. Справа и слева, словно оголенные стволы деревьев, торчат железобетонные столбы. Это опоры для контактной сети. Транссибирская магистраль электрифицируется.

Впереди Боготол — город железнодорожников. Мы едем, чтобы встретиться здесь со слесарем паровозного депо Федором Ивановичем Чертенковым.

Разные страсти владеют человеком. Среди них есть страсть коллекционирования. Вот уже много лет бригадир инструментального цеха железнодорожных мастеровских Ф. И. Чертенков тоже отдается этой страсти.

Что собирает он? Не марки, не древние монеты, нет, он кропотливо и систематически собирает материалы по революционной истории своего города. Боготол — страсть его — это почти подвиг. Сотни фотографий, обнаруженных у старых производственников, в случайно сохранившихся железнодорожных архивах, в семьях людей, отдавших свою жизнь делу свободы, уникальные документы, редчайшие экземпляры старейшей революционной газеты Сибири «Красноярский рабочий», фотокопии приказов, постановлений и решений, биографии, судьбы, живые истории людей и челове-

— прочувствованно говорит студентка Валентина Ганина.

А затем берет слово Костас Варналис.

— С ЕГОДНЯШНИЙ день — самый знаменательный и незабываемый день в моей жизни, — говорит Костас Варналис. Поблагодарив членов Международного комитета по Ленинским премиям и всех присутствующих на этом собрании, он продолжает: «Велика ваша родина, самая большая в мире по своим размерам, богатству, здоровью, силе материальной и моральной, величайшая в науке, в образовании, в культуре. Но это не только ваша родина. Своим примером, сиянием своих смелых, глубоко гуманистических идей, своей передовой наукой она достигла того, что стала отчиной и матерью для всех народов земли — и тех, кто уже добился освобождения, и тех, кто ждет борьбы за него.

Вполне естественно, что я чувствую некоторую неловкость из-за того, что, будучи сыном малой страны, получаю премию в самой великой, в первой стране мира.

Если я принимаю эти почести, я принимаю их только благодаря уверенности в том, что адресованы они в меньшей мере мне лично и в большей мере — и главным образом — свободному греческому народу, который, каким бы малым он ни казался, является одним из самых славных народов земли. Во время жестокого гитлеровского нашествия этот народ первым в поверженной Европе поднял знамя национального сопротивления, сорвав с Акрополя гитлеровскую свастикой руками национального героя Маноласа Глезоаса.

С величайшей теплотой говорит далее поэт о Ленине, имя которого — в сердцах сотен миллионов людей. И если сегодня за этим именем идет половина человечества, то недалеко день, когда в силу исторической необходимости за ним пойдет и вторая половина.

Варналис с восторгом говорит о стране социализма, где все созданные человеком богатства принадлежат всему народу, о непобедимой любви людей к родине в странах социалистической цивилизации.

— Я не первый раз в Москве, — продолжает Костас Варналис. — Это мой третий — третий. Впервые я имел честь вместе с незабываемым борцом Дмитрием Глинским присутствовать в качестве гостя на I Всесоюзном

Музей слесаря Чертенкова

своих отношений сосредоточил он в своих руках. Я жму шершавую ладонь немолодого рабочего. У Федора Ивановича открытое, ясно лицо, сосредоточенный взгляд и седеющая, побелевшая виски. Он проводит нас в небольшую комнату, которая несколько лет назад была специально выделена ему в стареньком, выдавшем виды здании железнодорожного управления.

Это и есть знаменитый музей Чертенкова. — Вы спрашиваете, что заставило меня свободное время отдавать истории города? — говорит Чертенков. — Я даже не знаю, с чего это началось. Был я секретарем партийной организации. Приходилось рассказывать товарищам, молодым членам партии, о жизни, и хотелось на одном материале повесть эти рассказы.

Федор Иванович подводит нас к стенду. Родная, знакомая фотография С. М. Кирова... Старые снимки. На них — широкотрубные паровозы, бородастые рабочие-сибиряки.

— Стоя, в Боготол, в 1905 году приехал Сергей Миронович. — говорит Чертенков. — Это было в дни, когда на станции Тайга началась забастовка железнодорожников. Администрация обратилась к боготольцам с призывом занять места бастующих. Сергей Миронович приехал сюда с тем, чтобы мобилизовать людей на поддержку железнодорожников Тайги. Боготольцы категорически отказались ехать на место бастующих. Мне уда-

лось разыскать несколько документов, связанных с этими событиями.

Мы переходим от стены к стенду. Фотографии, уже пожелтевшие от времени: усталые и бородастые люди, машинисты и путевцы тех далеких времен, когда железнодорожники пробивали Сибиряк встану на борьбу за свободу. Вот стенд 1917 года. Фотография женщины с открытым умным лицом и волевыми глазами.

— Это — Александра Владимировна Померанцева, наш первый партиот. Сейчас она живет в Москве. Мы останавливаемся и с волнением рассматриваем в старую фотографию — большевистский Совет в городе Боготол. Ниже — группа красногвардейцев Боготольского отряда особого назначения. Когда войска Колчака заняли Боготол, красногвардейцы сформировались в партизанский отряд.

Вот командир отряда И. Бурков. Вот его 13-летний брат, престарелый колчаковец. Вот дел — боролый сибиряк с остро прищуренными глазами охотника.

Я не знаю, где, с каким трудом удалось Чертенкову найти эти снимки, но они производят неизгладимое впечатление.

— Ночь с 31 декабря на 1 января 1920 года — ночь освобождения Боготола от белогвардейщины. Опять снимки, опять документы.

Федор Иванович останавливается в центре комнаты, там, где за стеклами ми створками хранится бархатное знамя, расшитое золотом.

— Это знамя других времен, — говорит Чертенков. — Оно отдало нам на вечное хранение за хорошую работу боготольских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны.

Страсть слесаря Федора Ивановича Чертенкова позарилась городу целый музей, которым можно гордиться.

...Мы выходим из музея. Перед нами, разрезая землю от горизонта до горизонта, сверкают на солнце стальные полосы железнодорожных путей. По ним летят составы, переноса от города к городу плоть человеческого труда: зерно, нефть, машины, лес. Идут пассажирские поезда. Взгляд ловит молодые лица, прижавшиеся к оконному стеклу. Это люди, творящие историю новой Сибири. И кажется на мгновение, — не поезда идут по путям, а сама история с грохотом проносится перед глазами. Новая, светлая и солнечная история Сибири.

...Как хорошо, что на свете есть люди, которые хотят рассказать своим товарищам в будущем поколению о том, как мы жили, трудились, строили и развалились, находили счастье на этой старой и вечно молодой земле — на земле Сибирской.

Василий ЗАХАРЧЕНКО БОГОТОЛ

ЗАВТРА ОТКРЫВАЕТСЯ ДЕКАДА КАРЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

С БЕРЕГОВ Онежского озера, из края лесов и озер приехали в столицу артисты и писатели — участники декады искусства и литературы Карелии.

Знакомство с лучшими литературными произведениями и самобытным искусством карельского народа начнется завтра спектаклями двух театров и симфоническим концертом республиканской филармонии. Москвичи увидят в исполнении артистов Государственного финского драматического театра пьесы В. Бабича и Е. Палачек «Хозяин леса», Г. Гракова и А. Иванова «Бессмертные звезды», М. А. Нексе «Люди с Дангора», А. Киви «Сельские спожожники», А. М. Горького «Егор Булычов и другие» и Государственного музыкально-драматического театра — первый национальный балет «Самсон», написанный композитором Г. Санисало по мотивам «Калевалы» — первую карельскую музыкальную комедию «Кумоха», созданную на основе народных сказок композитором Р. Пергантом. В этом же театре будут представлены пьесы: П. Борнскова «В огненном кольце» (о

становлении Советской власти в республике), И. Дворецкого «Трасса» и «Снегурочка», А. Островского.

Внимание москвичей, несомненно, привлекут выступления Государственного ансамбля песни и танца «Кантеле» и коллективов художественной самодеятельности.

В Центральном Доме литераторов 22 августа председатель правления Союза писателей РСФСР Л. Соболев откроет литературную часть декады. С сообщением о развитии литературы республики выступит председатель правления Союза писателей Карелии А. Тимоенен.

В дни декады состоятся творческие обсуждения произведений карельских писателей — романа «Водораздел» Николая Янкола, «Беломорск» и «Будет Беломорск» А. Левинского, «Боевой приказ» Д. Гусарова, «Вперед, народ трудовой» У. Викстрема.

Многие произведения карельской литературы посвящены волнующим пробле-

мам современности. В их числе роман А. Тимоенена «Родными тропами» — одна из самых популярных в республике книг. Среди произведений, которые будут обсуждаться на творческих встречах, — повесть Ф. Трофимова «Воз березовых дров», книга В. Бабич «Хозяин леса», посвященная борьбе за зеленое золото республики.

Предметом творческого разговора в Союзе писателей будут и произведения карельских поэтов — Н. Лайне, Я. Ругоева, А. Титова, М. Тарасова и Б. Шмидта.

Писателям республики предстоит немало встреч с читателями столицы в парках культуры и отдыха, в клубах крупных предприятий, в книжных магазинах, на читательских конференциях.

В выставочных залах Москвы откроются экспозиции произведений карельских живописцев, скульпторов, графиков, мастеров прикладного искусства.

Музей слесаря Чертенкова

Из стихов поэтов Карелии

Илари СААРИНЕН

ПАМЯТНИК РУНОПЕВЦУ

Меркут тени ночи. Наступает утро,
И заря забрехала над землей красна.
Плащадь. Вайнемейнен. Смотрит
старец мудро.
Видит — пробудились люди от сна.
Он сидит на сером камне pedestала,
На коленях кателде, он коснулся
струн.
О тебе, народ мой славной Калевалы,
Вайнемейнен сложил много новых рун.
Как старуха Лоухи солнце утащила,
В паменные горы спрятала луну,
Как на бой народный поднималась
сила,

Возвратила радостный, светлый день
в страну.
И сегодня — песня новых поколений
Среди скал лесистых и речных долин.
Слышится песнь о счастье?
Стала с ней нетленной
Древних рун напевы и седых былин.
Это песня новая, песня вдохновенная
Прямо к песнопевцу мудрому летит,
И ему о прошлом шепчет ночь
легенды,
Утром о грядущем солнце говорит.

Перевел с финского
В. ТРОФИМОВ

Нина ОСТРОВСКАЯ СТАТУЯ ЛОСЯ В МОНЧЕГОРСКЕ

Он словно выбежал и замер,
Окаменев на века,
И смотрит жаркими глазами
На север, где блещет река.

Но с каждым годом все управяет,
Скрывая тундровый простор.
Уходят вальды громады зданий
К сырым и темным склонам гор.

Где, расстлал ковер весенний,
Земля подлая цветет,
Где серебрится мох олений
И тянет свежестью болот.

А он все смотрит, выгнув шею,
Туда, за гудящие доны,
Откуда, милым ветром вея,
Приходит белая зима.

В подарок от своих маленьких московских подружек Джудли получила немало книжек. Фото А. Князева

Трое из Америки

ТРИ МЕСЯЦА назад в чужой стране, среди наземных людей оставалась одна маленькая американская девочка без единого русского слова в запасе. Нелегко, но правда ли? Что получилось из этого трехмесячного эксперимента, я скажу позже, а если хотите, вам расскажет сама Джудли.

Мистер Майер подводит нас к своему «Пежо». Автомобиль предельно загружен всем необходимым для дальнейшего пути. Роясь возле своего сиденья за рулем, врач достает две коробочки.

Джулли только пять лет. В чужой стране, среди наземных людей оставалась одна маленькая американская девочка без единого русского слова в запасе. Нелегко, но правда ли? Что получилось из этого трехмесячного эксперимента, я скажу позже, а если хотите, вам расскажет сама Джудли.

Мистер Майер подводит нас к своему «Пежо». Автомобиль предельно загружен всем необходимым для дальнейшего пути. Роясь возле своего сиденья за рулем, врач достает две коробочки.

Джулли только пять лет. В чужой стране, среди наземных людей оставалась одна маленькая американская девочка без единого русского слова в запасе. Нелегко, но правда ли? Что получилось из этого трехмесячного эксперимента, я скажу позже, а если хотите, вам расскажет сама Джудли.

Мистер Майер подводит нас к своему «Пежо». Автомобиль предельно загружен всем необходимым для дальнейшего пути. Роясь возле своего сиденья за рулем, врач достает две коробочки.

Джулли только пять лет. В чужой стране, среди наземных людей оставалась одна маленькая американская девочка без единого русского слова в запасе. Нелегко, но правда ли? Что получилось из этого трехмесячного эксперимента, я скажу позже, а если хотите, вам расскажет сама Джудли.

Мистер Майер подводит нас к своему «Пежо». Автомобиль предельно загружен всем необходимым для дальнейшего пути. Роясь возле своего сиденья за рулем, врач достает две коробочки.

Большой виноград и большие заботы

МЫ выехали из Симферополя на московскую автостраду. Еще недавно по сторонам ее тянулись однообразные поля. Считалось, что сады и виноградники разводят здесь невозможно, — это привилегия Южного берега и крымских предгорий.

Цел привлек к изготовлению башен николаевский завод имени Носенко, севастопольские и херсонские предприятия. Помощники солидные. Но в конце июля, за небольшим исключением, башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Юный и виноградарство, и рыбную промышленность, не может сочетать их интересы? Кажется, ясно: если сотни тысяч гектаров превращаются в цветущий сад, то надо готовиться встретить большой урожай. Надо предусмотреть все — в том числе и нужду в ящиках.

А теперь на протяжении сотни с лишком километров от Симферополя — четкие ряды виноградных кустов или ясных деревьев. Местами будто сирень по земле стелется — цветет шафрей, из которого добывается эфирное масло. Кое-где золотится хлеба. Их осталось мало, а будет еще меньше.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Льшь несколько лет назад его виноградники и сады занимали всего 32 тысячи, — теперь их 165 тысяч гектаров, а в ближайшие годы будет триста тысяч! Сломан прежний уклад земледелия. На степных просторах Крыма зреет небывалый урожай винограда. И вместе с ним растет тревога виноградарей...

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

ГЛАВНЫЙ винодел совхоза «Степное» Галина Ивановна Бут говорит: «Среди высоких чанов, металлических цистерн, огромных бочек. Поступая по ним пальцем, она как бы представляет мне знатных обитателей этих «емкостей».

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Тревога не только на этом заводе. «Куда будем лить урожай?» — этот вопрос не дает покоя крымчанам.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Поэт-декабрист А. И. Одолевский последние годы жизни провел в ссылке на Черноморском побережье Кавказа, участвуя в экспедиции по сооружению Лаазаревского порта. Здесь он и похоронен.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

На могиле поэта открыт памятник. На постаменте установлен бюст А. И. Одолевского работы молодого скульпника скульптора И. Ивановой. На мемориальной доске высечено: «26 ноября 1802 года — 15 августа 1839 года» — и знаменитая строка из стихотворения поэта — «Из искры возгорится пламя».

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Дела курортные

«КУРС ТЕРПЕНИЯ»

МЫ ЕХАЛИ поездом Москва — Кисловодск. По странному совпадению, трое пассажиров из нашего купе направлялись в Пятигорск. Молчаливый инвалид Отечественной войны получил путевку в санаторий. Худенькая работница из Мурманска имела так называемую комплексную курсовку. Пожилая фельдшерша из Сибири не имела, как она шутила, ничего, кроме болезни и желания от нее избавиться. Мне было безразлично, откуда начинать анкетирование с кавказскими Минеральными Водами, и я решила пойти вместе с попутчицами.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

На первом мы разделились. Счастливого обладателя путевки увез автобус. Курсовочницу агент курортного бюро увел на арендованную квартиру. Сибирячку, приезжающую сюда не впервые, направилась к своей старой хозяйке. Я побрела в гостиницу.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

На следующий день я встретила свою знакомую сибирячку в курортном бюро. Над окошком заведующего висело объявление: «Продажа курсовок прекращена до 3 августа». Но перед дверью толпились десятки людей.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

«Как же вы теперь?» — спросила я, указывая на объявление.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

«Ничего!» — бодро ответила сибирячка. — Я ведь знала, на что сходил. Вот ответ Пятигорской курортной конторы на мой вопрос: «Располагаете только курсовками на амбулаторное лечение... Курсовки продаются в порядке живой очереди...» Запишемся на очередь, подождем.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Через день мы встретились снова, на том же самом месте. Очередь все росла. Курсовок все не было.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

«Да, курс лечения — курс терпения, — вздохнула моя знакомая. Но свойственный ей оптимизм все же победил.»

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Харун ар-Рашид Путейский

КАК ИЗВЕСТНО, популярный персонаж сказок «1001 ночи» халиф Харун ар-Рашид имел привычку принимать облики простого смертного, странствовать по своей столице — городу Багдаду.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Харун ар-Рашид Путейский

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Хорошо, если сборные башни не потекут. — вздыхает управляющий Крымским винопромышленным трестом Мигдур Абдурагимович Рагимов. — в Крыму такие башни еще не строились.

Рис. Н. Лисогорского

ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

КОМУ НУЖНА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»?

Во всяком случае не народам! Им глубоко ненавистны эти два слова: «холодная война». Во всем мире люди устали от долгов лет страха, неуверенности, напряжения. Перспектива ликвидации этого отравительного порождения наших дней радует всех и вся.

Но что же такое «холодная война»? Это — изобретенная западными дипломатами и политическими системами внешнеполитическими и пропагандистскими диверсиями. Балансирование на грани войны, пропаганда ее неизбежности, магнетизм страха, политика шантажа, запугивания, обмана и клеветы — тактическое практическое выражение этой тактики. «Холодная война» — это то, что на протяжении последнего времени искусственно создает международные проблемы, очаги военной опасности, завязывает узлы противоречий, мешая распутать их. И нужна она для совершенно определенной цели: продолжить гонку вооружений, накапливать термоядерное оружие, расширять сеть военных баз США на чужих территориях. Во имя этого аполонгаты «холодной войны» распространяют слухи об угрозах со стороны Советского Союза, кричат о «загнивающей» мощи советского оружия, окружают туманом лжи и провокаций германскую и другие нерешенные проблемы.

Ликвидация «холодной войны» облегчила бы разрешение самых сложных вопросов. Зачем нужны гонка вооружений, раздутые военные бюджеты, развратная система баз? При нормальных дружеских отношениях между государствами, пусть с разным социальным строем, все это лишнее. Вот наглядный пример. На днях резко упали акции военных предприятий на Нью-Йоркской фондовой бирже. Почему? Казалось бы, ничего не изменилось: уровень производства военной промышленности остался прежним; ассигнования на военные нужды не уменьшены, а имеют тенденцию к повышению. Встреча Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра еще впереди. Брижерами искушает друг: намелились перспективы смягчения международной напряженности. Позиции сторонников «холодной войны» пошатнулись. Значит, бизнес смерти становится менее рентабельным...

Это прекрасно для миллионов людей и прежде всего для самих американцев. Наступит конец гонке вооружений, и можно будет надеяться на снижение налогов, на стабилизацию цен, на лучшее будущее.

Но это плохо для фабрикантов оружия. Они боятся потерять свои прибыли, они заинтересованы в продолжении напряженности. Они пытаются вдолбить жизнь в затухающую «холодную войну».

Нелегкая это задача сейчас, когда весь мир охвачен надеждой на потепление, на восстановление доверия! И все же отравленные червь сторонники прежней политики продолжают свое черное дело. Сельведор де Мадарьяга пишет в реакционном голландском еженедельнике «Эльсидерс векеблэд» о предстоящих переговорах «большой двойки»: «Это опаснейшее оружие в международных отношениях».

Действительно, опаснейшее, но для совершенно определенного круга людей — для врагов мира.

И уж совсем откровенно цепляется за «холодную войну» Боб Консидайн в американской газете «Нью-Йорк джорнэл-Америкэн». Он мечтательно произносит, что холодная война между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки будет продолжаться еще 25—50 лет. Не меньше он не согласен!

Хорошо, что судьбы людей не зависят от Боба Консидайна и тех, кто стоит за его спиной. Они во многом определяются миролюбивой политикой Советского Союза, его борьбой за мирное сосуществование, успехами этой борьбы. Разве уже одно то, что и в Англии, и в Соединенных Штатах главные буржуазные партии накануне выборов уделяют большое внимание сотрудничеству с СССР, не говорят самым убедительным образом о нашей большой победе? Пусть г-н Никсон несколько своеобразно понимает слово «сосуществование» и толкует его по-своему, но, как сказал Н. С. Хрущев, «приятно слышать из уст вице-президента г-на Никсона, что он пользуется словом «сосуществование»».

Шансы сторонников «холодной войны» резко упали. Улучшение отношений между государствами, восстановление доверия неизбежно похоронит «холодную войну». И жалко, что этого все еще не хотят понять некоторые достаточно, казалось бы, искусные и опытные политики. Пора сдать в архив отравленное оружие!

А. БЕЛЬСКАЯ

На милитаристском митинге, состоявшемся недавно в западногерманском городе Ульм, с реваншистской речью выступил боннский министр путей сообщения Зеебом. Судетская область, как и чехословацкий город Хеб, заявил Зеебом, «навсегда останется частью Германии». Присутствовавшие на собрании реваншистки настроенные молодчики бурно приветствовали поджигательские заявления министра и потирали руками.

Поскольку на земле молодежи изучает искусство и науки древней Греции; поскольку на земле античного искусства двояклет поэтов, музыкантов, художников. Поскольку знают древние греческие мифы о богах и героях. А если бы их, этих мифов, не было, а хотел бы написать новую легенду о Прометее, о человеке, который восстал против богов, заковал, чтобы люди были подобны богам. Он говорил людям, что они должны заставить природу служить им, показал богатства земли, обстрил их ум, убедил, что человек — господин мира.

Зевс отомстил Прометею, повелев приковать его к скале и подвергнуть таким садистским пыткам, которыми в более поздние времена могли бы гордиться даже гестаповские палачи.

Греческий народ отнюдь не считает богами премьер-министра Караманлиса и его коллег. Даже Зевсу было не под силу держать в оковах Прометея. Его, как известно, освободил Гермкулес. В наши дни Гермкулес — это свободное человечество, которое вызволит из неволи современного Прометея — Маноласа Гlezоса.

Профессор Альберт НОРДЕН

Веселое представление

НАДО сказать, Эд Салливан пользуется своим микрофоном довольно выразительно. Микрофон в его руках похож не то на волшебную палочку, не то на фальдмаршальский жезл, не то на шамберьер — манежный бич. Он ходит со своим микрофоном, и лицо его выражает невыносимое страдание: он не умеет отстричь по-русски. Представляете конференсье, лишено возможности отстричь?

Впрочем, нельзя сказать, что руководитель американской эстрадной группы совсем уж «без языка». Он знает несколько слов, сближающих его с аудиторией моментально. Среди них — довольно трудно произносимое некоторыми его земляками слово «сосуществование».

Итак, он взмахивает жезлом, и представление начинается.

Это очень веселое, очень праздничное представление. Мне кажется, праздничность его является основой всех номеров программы.

Прежде всего нужно говорить об оркестре, дирижер которого управляет не столько при помощи профессиональной гимнастики, сколько при помощи улыбки. Улыбается он хорошо. Даже не верится, что можно так улыбаться каждый вечер. Что и говорить: работа есть работа. Она не терпит условностей. Жизнерадостный дирижер, который одновременно является пианистом-солистом, поет, как в клин, точно в тот момент, когда нужно вступить в оркестр.

Чететка, которую исполняет Конорад Бюкнер, требует и соответствующей музыки. Может быть, это буги-вуги, а может быть, даже рок-н-ролл. Но когда к сцену выходит лирический тенор Чарльз Девис, оркестр несомненно становится симфоническим. Он сопровождает классические арии так, словно никогда ничего не играл, кроме Баха и Берлиоза.

Эта высокая, хочется сказать, виртуозная профессиональность отличает все номера программы.

Американские актеры работают на том уровне, когда репетиционный труд и пот остаются за кулисами, а зрителю представляется та самая изящная невесомость, о которой говорят: «Дал же бог таланту». Мне показалось, например, что виртуозность аккордеониста Дина Контини представляет для него самого просто легкую забаву. А между тем пальцы его мучаются по клавиатуре со скоростью хороших спринтеров, ставящих рекорд.

Итак, концерт подходит к концу. Американцы пользовались заслуженным успехом у московского зрителя, который относится с корриным пристрастием и чистой работой артистов. Пользуются американцы успехом и у зрителей Ленинграда, где сейчас заканчивают свои гастроли по СССР.

В финале концерта группа поет по-русски, скрепящая советские и американские флажки и вообще ведет себя так, как полагается друзьям.

И это тоже определяет ее успех.

Леонид ЛИХОДЕЕВ

ДОРОГИЕ читатели! Если вы хотите узнать, каковы настроения французов, то я прежде всего посоветовал бы вам не доверять тем внешним проявлениям, которые их якобы выражают. Не говоря уже о том, что многие чувства народа, так сказать, не имеют случая проявиться, нет ничего, что выразилось бы столь трудно и неясно, как общественное мнение в современном капиталистическом мире.

Одни говорят: «БРАВО, НО ВСЕ-ТАКИ...» Другие говорят: «НАКОНЕЦ-ТО!»

Андре БЮРСЕР, французский писатель

Возьмите, к примеру, прошлогодний референдум во Франции (не к добру он будет помнят). При первом взгляде могло показаться, что все эти десятилетия французские люди бы одобрили реакционную конституцию. Но, во-первых, девять из десяти французских попросту не читали ее. Во-вторых, многие предпочли ответить «да», делая это против совести, но полагая, что таким образом они помогают предотвратить гражданскую войну. (Возникала ли бы такая война — другой вопрос.) И, наконец, многие рассуждали так: «Мы слышим хорошо помин, как пользовались демократическими свободами и правом всеобщего голосования предшествующие правительства. Стоит ли ломать копья во имя защиты всяких гайворов, молды и плевонов, которые к тому же сами сказали «да» генералу де Голлю?»

С другой стороны, муниципальные выборы этого года, мне думается, показали: множество французских жителей о своем одобрении конституции. Они осуждают политику, зародыш которой был замечен еще в период референдума. Многие из тех, кто ответил «да», были, например, убеждены, что генерал де Голль восстановит мир в Алжире. Теперь они явно разочарованы. Из этого не следует, будто в сентябре они были сторонниками жестокой войны против алжирского народа, а в марте изменили взгляды. Таким образом, перемены в общественном мнении (реальные перемены, соответствующие опыту, накопленному французами за истекший год) на поверку гораздо менее существенны, чем это может показаться, или, если хотите, «победа» референдума не была столь уж полной, как это представлялось вначале.

Но как быть теперь, как высказать отношение французов к предстоящей встрече Н. С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра, о чем меня просит редакция? Как узнать, каковы реакция и какие чувства вызвала эта встреча? Кто мне интервюировать: молодиста, нажившего в Алжире миллиарды и обеспокоенного ослаблением международной напряженности, или рабочего-металлурга, радующегося разрыве? Или, быть может, сложить итоги обоих интервью и поделить их на два, как это делают в США, определяя жизненный уровень народа (там суммируют доходы Рокфеллера и безработного и выводят среднее арифметическое)? Или написать: «Французы, верные своим демократическим традициям и многовековой привязанности к делу мира, одобряют неизменную политику Советского Союза»? Все это не так просто...

Всего благоприятного отношении французов к этой новой попытке ослабить международную напряженность свидетельствует то, что газета «Фигаро» перспектива переговоров в Вашингтоне и Москве «внушает беспокойство», что газета «Орор» «тревожится» и испытывает «известное чувство горечи» и что г-н Видо усматривает в ней «первый шаг на пути к капитуляции свободного мира». Дело не в г-не Видо, он представляет лишь самого себя, и это не бог весть как много. Но его «справка» печатается в еженедельнике, который строго придерживается деголловского курса.

Итак, пресса пытается одновременно и считаться с мнением читателей, и видоизменить его. Примером тому может служить поразительная непоследибельность вайнтинговского корреспондента французской газеты «Фигаро». Вначале, как и все, он констатировал: весть о поездках американского президента и советского премьер-министра встречена общественным мнением США «в целом благоприятно». Сама редакция «Фигаро» с удовольствием отметила, что пресс-конференция главы Советского правительства была выдержана в умеренных дружеских тонах. Таково было общее мнение. Но вот прокатил несколько дней, и «Фигаро» уже не находит в словах Н. С. Хрущева никакой утешительной тенденции. Неожиданно вайнтинговский корреспондент газеты сообщает о каких-то обнаруженных опасениях американцев. В чем же дело? Да надо было полагаться на мнение читателей, оклонить их к скепсису! Что касается послушного вайнтинговского корреспондента «Фигаро», то, как остроумно заметил Пьер Доран в газете «Юманите», «управлять на расстоянии можно не только ракетами».

Вновь возникает вопрос: стоит ли внушать читателю мрачные мысли, если он не встретил эту новость с радостью? Да и как позлобная новость могла оставить его равнодушным? Вчера он не верил в возможность войны, и это было опасно: не прилаивая серьезного значения угрозе войны, люди невольно содействуют тому, что она может разразиться. Теперь же читатель поверил в возможность мира. Он не просто говорит: «Браво!», но восклицает: «Наконец-то!»

Средний француз, которого можно встретить в любом метро в восемь часов утра, хорошо понимает: достаточно США и СССР совместно найти способы разрешения разногласий не путем развязывания всеобщей катастрофы, а иными средствами, и французские атомные бомбы никогда не будут пушены в ход. Да и против кого, собственно? Средний фран-

цуз не настолько безумен, чтобы поверить (или, тем паче, желать этого), будто его страна начнет антисоветский крестовый поход, поддерживаемый генералом Шпейделем и генералом Франко, которых он к тому же органически ненавидит. (Кстати: во всей стране нашлось лишь один орган печати, открыто одобрявший переговоры между Францией и франкистами, — монархический листок, который читает два с половиной десятка сумасбродов.)

Почему же тогда, спросите вы, французское правительство, то есть те, кто держат за нить, те, кто выражает в прессе официальную точку зрения, ведет себя, словно кошка, ласкающая укуску? Многие годы уверяли, что коммунисты — это хорошо известно — «яностранные агенты», причем — и это не менее бесспорно — «агенты» страны, где установлен совершенно недопустимый, бесчеловечный, дедовский режим. С этой страной, а следовательно, и с ее «агентами», невозможны какие-либо дискуссии. Они кричат о мире, они дружатски подмигивают вам только для того, чтобы обмануть вас.

Но со дня начала дискуссии, со дня, когда советский режим всеми признается как вполне возможный собеседник, когда вице-президент США Никсон и ряд других деятелей признают эффективность социализма, когда для всех стало очевидно, что советские люди полностью поддерживают свое правительство, — жгучие раскаты развелись. О режиме, установленном в этой стране, уже можно дискутировать, как и о всяком ином режиме, а ее «агенты» становятся обыкновенными гражданами, которые из двух соперничающих систем предпочитают ту, а не правую. Остракизм и антикоммунистические репрессии уже невозможно прикрывать «национально-патриотическим шитом». Нельзя нападать на коммунистов, как на «квартирьеров Советской Армии», и одновременно радоваться, что советский народ желает мира, и вступать с ним в переговоры с целью денационации этого мира. Чем же в таком случае можно обогатить остракизм и репрессии? Уж не тем ли, что «злые коммунисты» позволяют себе не верить в вечное существование акционерных обществ?

Как только исчезнет международная напряженность, уже не надо будет выбирать между «предательством» и «патриотизмом», «человечным» и «бесчеловечным» строем. Речь будет идти лишь об одном выборе — выборе между капитализмом и социализмом. Что же мудрецы? Неужели люди начнут не мудрствовать лукаво размышлять? Спорить? Например, о программе, которую предлагает всем французам, коммунистам и некоммунистам, Коммунистическая партия Франции? «Что ж тогда будет?» — говорят капиталисты. — Выходит, что нам придется открыто защищать капитализм? Черт возьми! Но вы ведь знаете, что мы всегда старались избегать этого!.. Недаром мы столько кричали о «свободе», о «советской угрозе»... В общем, если нам не удастся плутовать и дальше, дело наше програно.

Я не стану утверждать обратное, но и не впаду из-за этого в отчаяние... ПАРИЖ

Рисунок художника Драйда из американской газеты «Кришчен сайенс монтитор».

ЖИТАЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

Л. ЭНДЛИН

КАК всякого советского человека, побывавшего в Китае, меня не оставило впечатление о людях, ставших моими друзьями. Я снова и снова обращаюсь к этим встречам и стремление поделиться тем богатством, каким одарят нас общение с хорошими людьми, любящими нашу страну и наш народ. В рассказанном мною не будет ничего неожиданного, но, может быть, это все же представится интересным, как непосредственное восприятие увиденного лично.

Из тошноты в предвечесном тумане Чунцина с его то уходящими в гору, то вдруг круто сбегающими вниз уличками и переулками, с его домами, лепящимися по склонам и кажущимся вечером одним огромным, мигающим множеством огоньков небоскреба, с его лавинами и наводнениями в перекрестках всех улиц, с его странно, так жгуче и близко напоминающей наши волжские, — из Чунцина, в котором я побывал уже не впервые, мы с профессором Юй Гуаньном, одним из лучших знатоков китайской поэзии и добрым товарищем в дороге, ранним утром приехали в Чэнду.

Город был окутан красно-розовою, зеленоватою и белой дымкой благоухающих цветов майхуа, распустившихся, как это им положено, на голых, без единого листочка, темных ветках деревьев. В Китае много больших городов, и каждый из них имеет свои, только ему присущие особенности. Радовалось, что мы теперь видим второй Пенки, как называют Чэнду, и то, что весна уже дышит теплом на ровных, то площадях и улицах, и то, что здесь снова предстоит встречи со старыми и новыми друзьями.

Чэнду богат встречами. Поэта Гэ Би-чжоу я видел в последний раз в марте 1957 года в Сиани, а теперь он здесь. Полгода проработал он вторым секретарем уездного комитета партии в Гуаньсяне. «Конечно, по пропаганде?» — «Да нет, по промышленности», — отвечает Гэ Би-чжоу, прекрасный лирический поэт, автор любимого моего стихотворения о девочке Лань-хуа, «маленькой Орхиде», которая ночью не спит, ухаживая в госпитале за ранеными солдатами. «А стихи?» — Я листаю сборник стихов поэта о Советском Союзе: «Сколько встретил я родных людей!», «Мы навеки вместе», «Наша заграничная деревня». Читаю о том, как за окном простирается бескрайнее русское поле и в белом снегу сверкают отравленные звезды, как за окном в черной тьме лишь угадываются купы деревьев, а в деревенском доме все освещено яркими лучами электричества, — «это мечта, увиденная нами, это на-

ша заграничная деревня!» Я откладываю книгу, и Гэ Би-чжоу обращает ко мне свое резко очерченное лицо. Он говорит горячо и убежденно: «Открылись невиданные родинки поэзии. Читайте созданные свободным народом песни. Они просты и удивительны». И записывает мне одну из песен провинции Шаньси.

Небесами не правит Нефритовый царь, Над землею не властен Дракон-государь. Потому что я сам Нефритовый царь! Потому что я сам Дракон-государь! Пусть развинутся горы и откроют дороги

Через тысячи сел: Я пришел!

Народные песни — это продолжение старой китайской традиции. Так, например, история «шангы» — горных песен гуандунского уезда Майсянь — насчитывает больше четырехсот лет. Но история начинается снова: на смену песням о тяжелой крестьянской доле пришли песни, рожденные счастьем освобождения, и этими песнями охвачен весь Китай, и среди них есть действительно такие, которые могут составить украшение любой поэзии.

В Чэнду, в городском парке, открыта выставка народного искусства провинции Сычуань. Главное место здесь занимают песни — «Морь стихов». Вся огромная территория парка разделена на участки по городам и районам. И всюду толпы, толпы людей, среди которых раздаются голоса экскурсоводов — юношей и девушек, поющих песни, читающих стихи, обтывающих такт деревенными дощечками.

Район Хунчжоу. В нем четыре миллиона жителей. Это они сочинили восемьдесят миллионов песен, это они гордятся крестьянским поэтом Сюй Чжун-лином, лицо которого улыбается нам со стены. Район Нэйцзили, в котором живет шесть с половиной миллионов человек, издал шестьсот восемьдесят один сборник стихов и песен! Мы видим эти сборники, видим изумительные по тонкости работы образцы вырезок, сделанных из бумаги, скульптуры, высеченной из «тугой» — местного нефрита, видим сияющие глаза и улыбки: у нас нет уже времени, и мы неохотно уходим, с трудом продвигаясь в этой массе людей, которые рады бы нас пропустить, но просто не в силах утерпеть, так их много. То, что мы увидели, прекрасно. С новой жизнью появились новые песни, новые таланты.

Новая жизнь везуде. Имя Ло Ши-

фа мы услышали, еще ничего не зная о нем. «Вы приехали из Пекина вместе с Ло Ши-фа?» — деревенские ребятишки, размахивая школьными сумками и с полным пренебрежением относятся к не уступающему с утра дождю, обступили нашу машину при въезде в деревню в тридцати километрах от Чэнду. По-видимому, приезд в общество Ло Ши-фа мог быть наивысшей рекомендацией — мы это поняли, когда познакомились с подошедшим к нам Ло Ши-фа, председателем народной коммуны в тридцать пять тысяч дворов.

Ло Ши-фа не только председатель коммуны, но и непосредственный руководитель одной из «чжундуй» — производственной бригады среднего звена, в которую входит семьсот тридцать девять дворов, пять тысяч му пахотной земли. Ло Ши-фа всего тридцать лет, но он руководитель с многолетним опытом: в двадцать два года был избран председателем сельскохозяйственного кооператива в своей деревне. Он крестьянин и представитель новой интеллигенции, поднявшейся из народных глубин, проводник культурной революции в Китайской Народной Республике — депутат Всекитайского собрания народных представителей.

Здесь, в уезде Синьфаньсянь, одним из множества обычных уездов Китая, еще в августе 1958 года в основном ликвидировали неграмотность. Люди выучили по тысяче пятьсот неграмотных и не только читают, но и пишут их. Здесь все учащие дети — в начальных и средних школах, взрослые — в школах и университетах — выслушали лекцию от руководителя с многолетним опытом: в двадцать два года был избран председателем сельскохозяйственного кооператива в своей деревне. Он крестьянин и представитель новой интеллигенции, поднявшейся из народных глубин, проводник культурной революции в Китайской Народной Республике — депутат Всекитайского собрания народных представителей.

Здесь, в уезде Синьфаньсянь, одним из множества обычных уездов Китая, еще в августе 1958 года в основном ликвидировали неграмотность. Люди выучили по тысяче пятьсот неграмотных и не только читают, но и пишут их. Здесь все учащие дети — в начальных и средних школах, взрослые — в школах и университетах — выслушали лекцию от руководителя с многолетним опытом: в двадцать два года был избран председателем сельскохозяйственного кооператива в своей деревне. Он крестьянин и представитель новой интеллигенции, поднявшейся из народных глубин, проводник культурной революции в Китайской Народной Республике — депутат Всекитайского собрания народных представителей.

Здесь, в уезде Синьфаньсянь, одним из множества обычных уездов Китая, еще в августе 1958 года в основном ликвидировали неграмотность. Люди выучили по тысяче пятьсот неграмотных и не только читают, но и пишут их. Здесь все учащие дети — в начальных и средних школах, взрослые — в школах и университетах — выслушали лекцию от руководителя с многолетним опытом: в двадцать два года был избран председателем сельскохозяйственного кооператива в своей деревне. Он крестьянин и представитель новой интеллигенции, поднявшейся из народных глубин, проводник культурной революции в Китайской Народной Республике — депутат Всекитайского собрания народных представителей.

Главный редактор С. С. МОНДАР. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИН, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.